

Современники, свидетели, очевидцы

Полтергейст конца 1666 года на Кулишках продолжался более месяца. О нем сразу же стало известно царю Алексею Михайловичу, а потом и всему населению России. Трех непосредственных участников этого события мы знаем поименно: преподобный Иларион, монах Марко и монах Иосиф, по прозвищу Рябик. Сам Алексей Михайлович вряд ли посещал место события — не царское это дело.

Но трудно предположить, что окрестные обитатели Кулишек не знали, не видели или не слышали об этом событии, а вероятнее всего, что и сами были свидетелями того, как черт «кричал нехорошими голосами, приводя всех в ужас».

Переписные книги тех времен сохранились, хотя перепись проводилась не часто, и не охватывала всю Москву. Приведем выдержки из «Переписных книг города Москвы 1665-1676 гг.», изданной: Москва, Городская Типография, Гнезниковский пер., 1886 г.

«Печатаемые книги 1668-76 гг. были составлены по наказу изъ Разряда объезжими головами, назначавшимися для бережения от огня и всякаго воровства»

8) Лета 7178 (1670) апреля в 15 день по государеву цареву и вел. Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белаыя России самодержца указу и по наказу, за подписью дьяка Василья Семенова, книги переписныя Алексея Федоровича Новокщенова, да подъячего Панкрашка Игнатъева отъ Покровския улицы по Яузския ворота всякихъ чиновъ людей дворамъ и лавкамъ.

У Барварскихъ воротъ:

Лавки: стрельца Федотка Самсонова, Алешки Невлева, стрельца Тимошки Абакумова, стрельца Федотка Самсонова, Огород. слв. Дейка Филипова, Ортемья лекаря, Федора Климшина; дв. дворцовыя площади подч. Федора Григорьева с. Курдюка, 4 избы богаделенъ, въ которыхъ живутъ нищие (подчеркнуто мною), подворье Голутви на м-ря, изба Осипова кр-на Львова Сеньки Тихонова, дв. кузнеца Сеньки Михайлова, изба лекаря Ортемья Назарьева, изба нищаго Гурки Родионова, дворы: Тимофея Максимовича Лодыженскаго, Сидора Алексеевича Лодыженскаго, Бориса Галахтионова с. Рудакова, двороваго ч-ка Ильи

Федотова с. Завесина, рязанца Ивана Лаврентьева с. Лунина, дьяка Ивана Иванова с. Малаховка, подворье изъ Нижняго Новгорода Благовещенскаго м-р я, дворы: двороваго ч-ка Левонтья Петрова с. Кожехова, колуженина Григорья Автамонова с. Башмакова, коломнетина Ивана Семенова с. Шопилова, Ивана Иванова с. Лунина подч. Евтифея Елансеева, Ивана Ондреева с. Шипова, Алексея Тимофеева с. Киреевскаго, окольничаго Ондreja Васильевича Бутурлина, Аптекарския палаты подч. Ивана Еремеева, Муханла Степанова с.; Понкратья Константиновича Пущина, князь Ивана Романовича Ухтомскаго, кузнеца Васьки Малыгина, Устина Феонасьевича Дашкова, князь Федора Шейдякова, Мухайла да Ондreja Семеновыхъ детей Новокшениныхъ, сторожа Прик. Казанскаго дворца Харитонка Калинина, сокольника Афонасья Иванова с. Похвиснева, Назарья Левонтьева с. Алексеева, Книгъ печатного двора батыйщика Ондreja Ермилова с. Алехина, подч.

Ямскаго прик. Павла Данилова, шлейного мастера Васьки Дмитриева, решеточного приказчика Федьки Игнатьева, кузнеца Ваньки Герасимова с. Ренникова.

К сожалению, об обитателях четырех изб богаделен, кроме того, что там живут нищие, более подробной информации нет. Прошло чуть более трех лет со времени происшествия, и старушки-свидетельницы тогда, наверное, еще были живы.

Богадельни были образованы давно, во времена митрополита Иова, в «Смутное время», когда открывались царские и патриаршие амбары, чтобы спасти народ от голода, задолго до строительства каменной церкви Святой Троицы в 1653 г.

Они упоминаются в «Переписной книге города Москвы 1638 года»: Москва, Типография М.П. Щепкина, Средняя Кисловка, дом Волковыхъ, 1881.

Это за 28 лет до полтергейста, и свидетелей мы вряд ли здесь каким-то случайным образом назовем, хотя вероятность такая существует.

Перепись проводилась с целью определения оборонительных возможностей города Москвы в случае нападения противника.

Лета 7146 (1638) апреля в 5 день по государеву цареву и Великого Князя Муханла Федоровича всея Русии указу и по наказу отъ боярина отъ князя Алексея Юрьевича Сицкова, да от дьяка отъ Василья Прокофьева за его Васильевою подписью, Офонасей Иванович Веков, да подъячей Богданъ Козивонов переписывали въ Белом Каменном

Городе на Кулишкахъ отъ Предотечинскаго монастыря и до Яүзскихъ и до Варварскихъ воротъ во всехъ улицахъ и в переулкахъ и въ тупикахъ боярские и стольничьи и дворянские и дьячьи и всякихъ приказныхъ людей и поповские и церковныхъ причетниковъ и всякихъ чиновъ людей дворы, и сколько в котором дворе людей и детей ихъ и братьи и племянниковъ и соседъ и подсоседниковъ и захреветниковъ по имяномъ съ отцы и съ прозвищи, и кто какова чинъ человекъ, и съ с какимъ оружьемъ въ приходное въ осадное время будетъ и то писано в сехъ книгахъ порознь.

Изъ тупика къ Варварскимъ воротамъ подле богаделенъ:

Дворъ Приказу датошныхъ ратныхъ людей подьячего Василья Михайлова, а у него человекъ его Бүфимко Ивановъ с пищалью да съ рогатиною.

Тупикъ возле Варварскихъ воротъ подле богаделенъ:

Дворъ Ортемья Михеева, а у него дворникъ Семейка Онкиевъ съ пищалью да с рогатиною.

Максима Савинова сына Лодыженскаго, сказалъ сынъ его Бүфимъ людей и дворника не сказалъ.

Попа от церкви отъ Предотечи со рвү Лүки Ондреева.

Стрелецкаго приказу подьячего Микиты Ракова съ пищалью да съ саблею.

Подьячего Василя Маслова, а у него дворникъ Богдашко Кондратьевъ с пищалью да с рогатиною.

Изъ тупика по другой стороне:

Дворъ Хлебнаго подкюшника Василья Наүмова сына Дедерова съ пищалью да съ саблею.

Проскурницы Ирины у Ризъ Положения, что на рвү, съ нею живетъ сынъ ея попъ Лазарь, да попа Лазаря два зятя одинъ подворской Остафей Дмитриевъ, да Матюшка Захарьевъ съ пищальми.

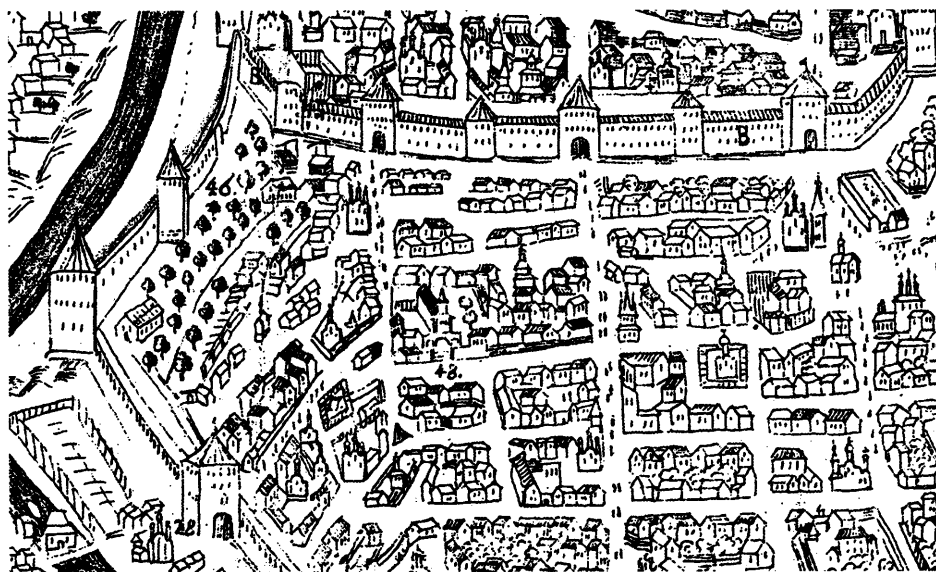
Попа Григорья от Рождества Христова, что на рвү, да у него сынъ Трофимко с рогатиною.

Попа Никиты, что слѣжитъ у Василья Блаженнаго...

Человитнаго Приказу подьячего Якова Лүкина, у него сынъ Костентинъ съ пищалью да съ саблею.

Сына боярского Ивана Федорова сына Назарьева да у него жъ живет
Мишка клюковникъ с рогатиною.

Кроме переписных книг, можно найти и графическое изображение
места события на карте Москвы Мейерберга 1662 г., сделанной ху-
дожником Иоганном Рудольфом Шторном, который был в свите его
посольства.

Часть карты Мейерберга 1662 года района Кулишек. Буквой В обозна-
чены стены Китай-города. Цифрами: 12 — Купеческие (Гостинные) ряды,
28 — Яузские ворота, 46 — Царев сад на Васильевском лугу, 48 — Соляной
двор. Показана дорога от Варварских ворот мимо церкви Всех Святых
к Соляному двору.

Соляной двор примыкает к Ивановскому монастырю, напротив двора —
церковь Святой Троицы с богадельнями.

Посольство Августина Мейерберга выехало из Вены 17 февраля
1661 г., прибыло в Москву 24 мая через Псков, Новгород и Тверь.

Оно описано в кн: «Ф. Аделунг. Барон Мейерберг и путешествие
его по России». Спб., 1827.

Это перевод рукописи, хранящейся в Дрездене:

«Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, чле-
на Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма
Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней

Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом»

...Во все чуть не двенадцать месяцев нашего пребывания в Москве содержание нам было постоянно изобильное.

Дом для нашего помещения отведен был довольно просторный и каменный, а это редкость в Москве, потому что большинство москвитян живет в деревянных.

26 мая приставы уведомили нас, что в следующий день мы удостоимся видеть светлые очи великого князя.

На другой день опять пришел к нам наш пристав-дьяк с уведомлением, чтобы в 2 часа мы приготовились представиться великому князю. Около 10-го часу пред полуднем к крыльцу наших домов явились лошади нашего общества, вслед за великокняжескою каретою, которая была другая, а не прежняя. Затем следовали наши обыкновенные приставы, которые и проводили нас до кареты, переодетшись в другой комнате у нас в кафтаны, вышитые жемчугом и драгоценными камнями, по обыкновению взятые на этот случай из казны великого князя. После того как отвели нам в карете почетнейшие места, они сами оба сели в ней с переводчиком, а по обеим сторонам сопровождала ее наша прислуга. Перед нами ехали верхом в переднем ряду флейщики и наша прислуга, за ними следовали пешком члены нашего общества с подарками, а потом один из них верхом: это был наш секретарь, который, подняв руку, держал в ней, на виду для всех, ничем не обернутые, верющие грамоты державнейшего императора.

Мы увидели, что от нашего подворья до великокняжеского дворца расставлены были в большом числе пешие войска, хорошо вооруженные большими ружьями, красиво одетые в разноцветные кафтаны, по цвету их полков. Нас высадили у дворцовой лестницы, среди множества стоявших там московских военачальников. Поднявшись в первую комнату, мы были встречены стольником князем Андреем Ивановичем Хилковым и дьяком Федором Михайловым, которые сказали нам чрез своих переводчиков, что им приказано великим князем, от его имени, тут принять нас. После изъявления благодарности мы продолжали путь дальше, и прежде чем вошли в тот по-

кой, где находился великий князь, нас приняли опять, от его имени, стольник князь Василий Иванович Хилков и дьяк Никита Головнин. Когда мы поблагодарили их, нас допустили к царю.

Покой был довольно обширен, однако ж очень стеснял его посередине толстый столб, поддерживающий свод. Стены были украшены старинною живописью, и между окнами прислонены были к ним серебряные подсвечники. Кругом по этим стенам были поделаны неподвижные, покрытые коврами, лавки, на которые всходили по четырем ступеням.

На них, по правую сторону от царя, на всем виду у него, отчасти даже и влево, сидели, с открытыми головами, в большом числе бояре, окольные и думные дворяне из тайного великокняжеского совета, совсем не удостоившие нас поклоном ни при входе нашем, ни при выходе. Сам царь сидел на серебряном позолоченном престоле, поставленном не посередине, а в левом углу покоя, между двумя окнами, и казался в тени. Престол хоть и был возвышен, потому что под тремя своими ступенями имел подножием рундук, приходившийся вровень с лавками думных бояр, но не отличался величиною, да и темное помещение так скрадывало его блеск, что он не представлял никакого великолепия. Посередине его, над головою царя, висел образ Богородицы Девы. Вправо от него в окне возвышались часы, в виде башни. А в другом окне, замыкавшем угол его стены, стояла серебряная пирамида, державшая золотой шар. Выше к своду висели на стене еще два святые образа, выставленные для поклонения. На краю лавки, вправо от царя, стоял серебряный рукомоийник с подливальником и полотенцем, которые, после того, как мы, по обычаю, поцелуем его правую руку, должны были послужить ему для омыwania и обтирания ее, оскверненной нечистыми устами поганных, как называют москвитяне всех приверженцев латинской церкви. На голове имел он остроконечную шапочку, с собольим околышем, украшенную золотым венцом, с драгоценными камнями, который, как бы имея своим подножием соболий околыш, оканчивался вверху крестом. В правой руке держал скипетр. По правую сторону у него стоял князь Яков Куденетович Черкасский, из племени черкас, у Каспийского моря, и ныне первый боярин; по левую тесть его Илья Данилович Милославский, тоже боярин. А перед престолом стояли четверо княжеских сыновей, все в белых кафтанах, в шапках и с секирами в руках (рынды).

Наши приставы поставили нас в 10 шагах от царя. Тут мы и поклонялись ему, ставши, по нашему обычаю, на колени, из уважения к царю. В некотором расстоянии позади нас стояли все члены нашего общества. Тогда думный дьяк (один из трех великих канцлеров царства) Алмаз Иванов, сидевший с немногими другими на одной из лавок влево от великого князя, стал вровень с нами и сказал, что прибыли послы великого римского цесаря, стоят перед ним и бьют челом ему, то есть, по московскому выражению, отдают ему почтение. Потому что все без различия москвитяне оказывают почтение своему князю, стоя на коленях и челом касаясь пола; такого же уважения от низших требуют себе при случае и все высшие лица. Великий князь дал знак канцлеру сказать нам, чтобы мы объявили наше желание.

Услышав это, мой товарищ начал передавать на память первое предложение, по приказанию всемилостивейшего священного цесарского величества изложенное для нас по принятому образцу. Но только что он пересказал императорский и царский титулы, как переводчик прервал его и повторил их на русском наречии. Лишь только он кончил и это, как царь, поднявшись с престола, спросил нас, здоров ли любезнейший брат его, римский цесарь Леопольд? И тотчас же сел опять. Мы отвечали, что, отъезжая из Вены, мы оставили священное цесарское величество, благодарение Богу, в добром здравье. Канцлер сказал потом, чтобы мы подали великому князю императорские верющие грамоты. Тогда, взяв их от нашего секретаря, я подал их царю, в сопровождении своего товарища, и воротился потом на прежнее место, а царь в ту же минуту вручил их князю Черкасскому.

Наконец царь приказал канцлеру дать нам знать, что он отрядит нескольких своих думных бояр, с которыми мы и можем войти в рассуждение обо всем, что еще осталось нам предложить, и чтобы в этот день мы отведали кушанья с его стола. После того, засвидетельствовав ему почтение, мы вышли. А при выходе нас провожали те же лица, что и приняли нас при входе, от имени великого князя.

...Имя Россіи простирается далеко, потому что заключает все пространство от гор Сарматских и реки Тиры, называемой жителями Днестром, чрез обе Волыни к Борисфену (Днепру) и к равнинам полоцким, сопредельным Малой Польше, древней Литве

и Ливонии, даже до Финского залива, и всю страну от карелов, лапонцев и Северного океана, во всю длину пределов Скифии, даже до нагайских, волжских и перекопских татар. А под названием Великой России москвитяне разумеют то пространство, которое заключается в пределах Ливонии, Белого моря, татар и Борисфена и обыкновенно слывет под названием «Москвитяне».

...В Москве такое изобилие всех вещей, необходимых для жизни, удобства и роскоши, да еще покупаемых по сходной цене, что ей нечего завидовать никакой стране в мире, хоть бы и с лучшим климатом, с плодороднейшими пашнями, с обильнейшими земными недрами или с более промышленным духом жителей. Потому что хоть она лежит весьма далеко от всех морей, но, благодаря множеству рек, имеет торговые сношения с самыми отдаленными областями.

Двадцать четвертого апреля нас отвели в Кремль для совещания с уполномоченными, которые прочитали нам царское решение о нашем возвращении назад, по обыкновению, по бумаге, т. е. отправлялись бы мы согласно нашему желанию в Смоленск для исправления там возложенного на нас поручения и в свое время возвратились бы чрез польские области к всемилостивейшему нашему государю. Вручена будет нам царская грамота с его ответом на все наши предложения. Но, желая почтить его священное цесарское величество, как своего любезнейшего брата преимущественно пред всеми другими, царь примет нас не на обеде у себя, каковая почесть оказывалась до сих пор вообще всем цесарским послам при их отпуске, но, по особенной благосклонности, никогда и никому еще не оказанной до сего времени, удостоивает нас сейчас же приятельской беседы в собственных его внутренних покоях.

Итак, мы вошли в верхний ярус к царю по лестницам и сеням, уставленным по обеим сторонам густыми рядами стрельцов в блестящем вооружении и везде сплошь устланным коврами так тщательно, что нельзя было видеть даже самого маленького непокрытого уголка ни на полу, ни на стенах, ни на потолке. Во втором покое его помещения, довольно обширного и с каменным сводом, освещенного восковыми свечами и везде обитого богато вытканными бельгийскими и персидскими обоями, на очень высоком престоле, поставленном, по обыкновению, в углу, у окна, восседал сам царь в нарядной шапочке, которая твердо сидела на голове от жемчуга

и драгоценных камней, держа в правой руке скипетр, украшенный значительной величины алмазами; налево от него сидело на лавках немало бояр. После того как мы отдали ему почтение, он велел нам сесть на лавке против себя, у другого окна, возле стены, и благоволил спросить о нашем здоровье у стоящего подле нас канцлера (думного дьяка) Лопухина. Потом встал и, стоя на ступеньке престола, приделанной к нему в виде подножия, положил шапочку и скипетр, взял от подававшего большую хрустальную чашу, налитую медом, и, обернувшись ко мне, провозгласил здоровье своего любезнейшего брата, его священного цесарского величества, изъявляя желание свое в следующих словах: «Дай, Господи, чтобы мы, великие государи, могли одолеть всех наших недругов», и в три приема выпил чашу. Потом, взяв опять шапочку, сел и подал мне из своих рук большую серебряную чашу с вином, также моему товарищу и троим нашим чиновникам, которых, получив на то позволение, мы привели с собою. Когда эти чаши были осушены, он поднес нам в том же порядке и таким же образом одну за другой еще пять чаш; сам, однако, не пил больше. Мы пили их в последовательном порядке, по чинам: за здоровье его, потом первородного сына, младшего и всего его семейства и за добрый успех счастливого мира. Услыхав это последнее желание, царь сказал: «Это было бы великое дело!» Исполнив все это, мы удалились, замечая, однако, что стольники, приносившие царю чаши для поднесения нам, всегда с накрытыми головами входили в покой и стояли тут, пока не подадут ему чаш, хотя все бояре сидели без шапок. А когда дожидались чаш, пока они будут выпиты, снимали свои шапки; приняв же их, опять накрывались при выходе.

На другой день привели нас к Алексею для публичного приема в то же место и с теми же обрядами, какие соблюдались при втором нашем приеме. После того как канцлер, стоя возле нас, прочел решение о возвращении нашем домой, царь встал с престола и поручил нам, когда воротимся к его любезнейшему брату, его священно-цесарскому величеству, сказать ему от его имени с искреннею любовью поклон. Потом вручил нам свои к нему грамоты и, удостоив поцеловать его руку, отпустил нас. В тот же день, по приказу его, в нашем помещении подали нам от него обед с торжественною обстановкою во всех подробностях. Через 4 дня он подарил мне 400 собольих мехов различной цены, а товарищу моему 240, чтобы

отдарить нас за поднесенные ему дары, прибавив сверх того мне 4 соболя да товарищу моему два, в знак недавней нашей приятельской беседы с ним. Прислал также еще 200 соболей, для раздачи нашим служителям.